

На правах рукописи

Садовников Аркадий Германович

**Концепция меланхолии в художественной системе
сентиментализма и творчестве
В.А. Жуковского**

Специальность 10.01.01 – Русская литература

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Нижний Новгород
2009 г.

Работа выполнена на кафедре русской филологии и общего языкознания ГОУ ВПО «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А Добролюбова».

Научный руководитель: кандидат филологических наук, профессор кафедры русской филологии и общего языкознания ГОУ ВПО «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова»
Наталья Васильевна Живолупова

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
Илона Витаутасовна Мотеюнайте

кандидат филологических наук, доцент

Наталья Константиновна Кашина

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Череповецкий государственный университет»

Защита состоится «19» февраля 2009 г. в 13.00 на заседании диссертационного совета ДМ212.166.02 при Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского (603000, г. Нижний Новгород, Большая Покровская, 37)

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке Нижегородского государственного университета им. Н.А. Лобачевского (603950, г. Нижний Новгород, проспект Гагарина, 23).

Автореферат разослан «16» января 2009 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических
наук, доцент

_____ И.С. Юхнова

Понятие о феномене меланхолии в русской культуре и литературе последней трети XVIII века фактически существовало, но в силу сложности обозначаемого им душевного явления и особенностей культуры русского общества, понимание духовной и эстетической значимости меланхолии, а тем более приобщение поэтического сознания к тайнам «меланхолического» оказалось весьма затруднительно.

Возможность философского, эстетического и поэтического осмысления меланхолии стала появляться по мере усиления субъективного начала в философии и искусстве конца XVIII–начала XIX века, что обусловило активизацию внимания к проблемам «внутренней жизни» и формированию новых принципов психологизма. Значительную роль в этом процессе сыграли труды И. Канта «Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного» и «Критика способности суждения».

Размышления Канта об идеях прекрасного и возвышенного, о красоте как символе нравственности, о природе как силе, об эстетических рефлектирующих суждениях, об аффектах, о гении, о чистых суждениях вкуса¹, о меланхолии и меланхолическом темпераменте оказали существенное влияние на формирование идеологии русского романтизма и представлений о феномене меланхолии.

В «Наблюдениях над чувством прекрасного и возвышенного» Кант утверждает, что причиной меланхолии является пережитый опыт конечности или «сущность души, страдающей от своей ограниченности», души, стремящейся к Абсолюту, души, подверженной метафизической ностальгии². Опыт кантианского осмысления феномена меланхолии впоследствии оказал значительное влияние на формирование философских и эстетических основ «психологического романтизма» В.А. Жуковского.

¹ См.: *Кант, И.* Аналитика эстетической способности суждения // Кант, И. Соч.: В 6 т. М.: Мысль, 1966. Т. 5. С. 201–377.

² См.: *Кант, И.* Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного. // Кант, И. Соч.: В 6 т. М.: Мысль, 1966–1969. Т. 2. С. 141–142.

Значительный вклад в направлении поэтического осмысления проблемы меланхолического был сделан благодаря творчеству А.П. Сумарокова, Г.Р. Державина и Н.М. Карамзина, однако именно муза В.А. Жуковского, давшая, по утверждению В.Г. Белинского, «русской поэзии душу и сердце» и познакомившая её «с таинством страданий, утрат, мистических откровений и полного тревоги стремления в «онный таинственный свет»³, открыла путь к духовным пространствам «меланхолического».

Актуальность диссертационного исследования обусловлена необходимостью научного осмысления генезиса и эстетического функционирования феномена меланхолии и выработке целостного подхода к исследованию проблемы меланхолии в литературе русского сентиментализма и творчестве В.А. Жуковского.

Разработанность проблемы. Первые попытки создания методологической основы для изучения сентиментализма и творчества В.А.Жуковского в XIX веке принадлежат О. Сомову, В. Кюхельбекеру, В.Белинскому. В связи с исследованием творчества поэта современники обратили внимание и на значимость феномена меланхолии в поэтике его произведений.

Позднее существенный вклад в этом направлении был сделан А. С. Архангельским, А. Н. Веселовским, Г. А. Гуковским, И. М. Семенко, Р. В. Иезуитовой.

Важное значение для исследования прозы писателя имели работы Б.М. Эйхенбаума, В.Э. Вацура, В.М. Жирмунского, Ю.М. Лотмана, Ю.Б. Орлицкого, Г.Н. Пospelова, П.А. Руднева, Б.В. Томашевского, Ю.Н. Тынянова, А.В. Чичерина, В. Б. Шкловского, В. Шмида и др.

Для реферируемой диссертационной работы особую значимость имеют труды В.А. Грехнёва, посвящённые изучению русской лирики XIX века; исследования томских учёных: И.А. Айзиковой, Э. М. Жиля-

³ *Белинский, В.Г.* Полн. собр. соч.: В 9 т. М.: АН СССР, 1955. Т. VII. С. 142.

ковой, Ф. З. Кануновой, О. Б. Лебедевой, Н. Б. Реморовой, А. С. Янушкевича, в которых была выработана современная и плодотворная методология изучения творчества В.А. Жуковского и обоснована важность и необходимость системного подхода к творческому наследию писателя.

Однако в трудах, посвящённых русскому сентиментализму и творчеству В.А. Жуковского, размышления о меланхолии локализуются в пределах анализа конкретных литературных произведений (прежде всего поэтических) вне освещения её генезиса и эстетической эволюции, что приводит к фрагментарности суждений о самом феномене меланхолии. Кроме того, в истории изучения творческого наследия Жуковского, ранняя проза писателя всегда оказывалась на периферии⁴. Особенно это касается прозаических сочинений Жуковского, относящиеся к периоду учёбы в Московском университетском благородном пансионе (1797–1800), о которых даже в новейших фундаментальных исследованиях говорится чрезвычайно кратко и вне контекста формирования меланхолической эстетики⁵.

Объектом исследования является комплекс «печальных» текстов А.П. Сумарокова, Г.Р. Державина, П.В. Победоносцева; «Письма русского путешественника» и элегия «Меланхолия» Н.М. Карамзина; проза В.А. Жуковского (1797–1800 гг.); лирика В.А. Жуковского; статья В.А. Жуковского «О меланхолии в жизни и в поэзии» (1846 г.).

Предмет исследования – генезис и эстетическое функционирование феномена «меланхолия» в произведениях А.П. Сумарокова, Г.Р. Державина, П.В. Победоносцева, «Письмах русского путешественника»,

⁴ Специально прозе Жуковского при его жизни была посвящена только одна статья, написанная П. А. Вяземским – «Сочинения в прозе В. А. Жуковского».

⁵ В монографии А.С. Янушкевича «В мире Жуковского» упоминания о «пансионских речах» Жуковского отсутствуют (См.: Янушкевич, А.С. В мире Жуковского. Творчество Жуковского как художественная система. – М.: Наука, 2006).

И. А. Айзикова в докторской диссертации «Жанрово-стилевая система прозы В. А. Жуковского» определяет хронологию прозаического творчества Жуковского 1800–1840-ми годами (См.: Айзикова, И.А. Жанрово-стилевая система прозы В. А. Жуковского. Автореф. дисс... док. филол. наук: 10.01.01. / И. А. Айзикова. – Томск, 2004.)

элегии «Меланхолия» Н.М. Карамзина, прозе В.А. Жуковского (1797–1800 гг.), лирике В.А. Жуковского, статье В.А. Жуковского «О меланхолии в жизни и в поэзии».

Цель работы – выявление и анализ особенностей эстетического освоения и художественного воплощения меланхолических традиций в литературе сентиментализма, творчестве Н.М. Карамзина и В.А. Жуковского.

Цель определяет основные **задачи** работы:

1. Исследовать специфику эстетического освоения и художественной интерпретации ситуации утраты в «печальных текстах» А.П. Сумарокова, Г.Р. Державина, П. В. Победоносцева.
2. Исследовать концепцию меланхолии и характер меланхолического героя в «Письмах русского путешественника» и элегии «Меланхолия» Н.М. Карамзина.
3. Проанализировать генезис и этапы формирования эстетического типа меланхолического героя в ранней прозе В.А. Жуковского (1797–1800 гг.).
4. Проанализировать особенности меланхолической натурфилософии прозы В.А. Жуковского 1797–1800 годов.
5. Исследовать художественную реализацию эстетического типа меланхолического героя в поэтическом творчестве В.А. Жуковского.
6. Исследовать религиозно-философскую концепцию меланхолии в статье В.А. Жуковского «О меланхолии в жизни и в поэзии».

Методологическая основа диссертации. В качестве основного метода в диссертационном исследовании используется историко-литературный подход к анализу образной и мотивной структуры художественных текстов. В работе так же используются принципы анализа поэтического текста, выработанные трудах в И.А. Айзиковой, В.Э. Вацуро, Л.Я.

Гинзбург, В.А. Грехнёва, Г.А. Гуковского, Ф.З. Кануновой, О.Б. Лебедевой, Ю.М. Лотмана, И.М. Семенко, А.С. Янушкевича.

Научная новизна диссертации заключается в выработке целостного историко-литературного подхода к исследованию проблемы меланхолии в литературе русского сентиментализма и роли Н.М. Карамзина и В.А. Жуковского в формировании философской поэтики «меланхолического». Данный подход позволяет выявить особенности философского и эстетического преломления инерции меланхолических традиций в русской литературе от «предмеланхолических» опытов А.П. Сумарокова, Г.Р. Державина, П.В. Победоносцева до художественной актуализации концепций «меланхолического» в прозе, поэзии и публицистике Н.М. Карамзина и В.А. Жуковского.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Эстетическое и художественное освоение феномена меланхолии сыграло ключевую роль в формировании философской антропологии русского сентиментализма и романтизма. В творчестве А.П. Сумарокова, Г.Р. Державина, П.В. Победоносцева был создан целый комплекс псевдомеланхолических «печальных текстов», основанных на интерпретациях ситуации осознаваемой утраты.

2. Значительный шаг в направлении эстетического освоения проблемы меланхолии и эстетические результаты идеализации и психологизации раннесентиментальных мотивов утраты реализовались в художественной прозе, публицистике и лирическом творчестве Н.М. Карамзина («Письма русского путешественника», статья «Об уединении», элегия «Меланхолия» и т.д.). Однако позиция Карамзина в отношении к меланхолии не выходит за пределы раннесентиментальной рациональной чувствительности.

3. В творчестве Жуковского меланхолия стала осмысляться в религиозно-философском контексте как душевное состояние (подобное состоянию души, обретшей веру), погружение в которое и переживание

которого необходимы для душевной гармонизации и разрешения противоречий между человеком и миром. В этом смысле Жуковский заслуживает именоваться первооткрывателем нового типа меланхолического героя и меланхолии как особого рода душевного состояния, эстетическое и творческое освоение которого открыло перспективы развития романтической антропологии.

Практическая значимость работы. Материалы, представленные в диссертационном исследовании, могут быть использованы в лекционных курсах по истории русской литературы последней трети XVIII–первой половины XIX века, при проведении спецкурсов и семинарских занятий.

Теоретическая значимость диссертации. Работа позволяет уяснить основные этапы эстетического освоения феномена меланхолии и определить специфику функционирования этого концепта в различные периоды развития русской литературы – от раннесентиментального до романтического. В частности, проведённое исследование позволяет внести ряд уточнений в теорию лирических жанров в аспекте анализа жанрового синтеза оды и элегии на рубеже XVIII–XIX веков.

Апробация работы. Материалы, составляющие основной корпус диссертационного исследования, были представлены в «Вестнике Чувашского государственного университета» (2008), «Вестнике Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского» (2008) и обсуждались на международных и всероссийских научных конференциях: «Русская культура и мир» (Нижний Новгород, 1994, 1995), «Язык. Культура. Деятельность: Восток – Запад» (Набережные Челны, 1996), «Нормы христианства и проблемы человеческого общения» (Нижний Новгород, 1997), «Российско-германские культурные связи в прошлом и настоящем» (Нижний Новгород, 1999), «Гуманизм и духовность в образовании» (Нижний Новгород, 2001), «Грехнёвские чтения» (Нижний Новгород, 2001, 2003, 2005, 2007, 2008), «VI конференция аспирантов НГЛУ

им. Н.А. Добролюбова» (Нижний Новгород, 2005), «Концепция нелинейного развития в истории общества и культуры» (Нижний Новгород, 2006), «Проблема утраты и возрождения традиционной и классической культуры на фоне развития цивилизации» (Нижний Новгород, 2007), «Русская литература и журналистика: Актуальные проблемы жанра и стиля» (Тверь, 2007), «Русская словесность в контексте мировой культуры» (Нижний Новгород, 2007) и нашли отражение в семнадцати публикациях.

Структура работы обусловлена целями и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы и приложения.

Введение состоит из двух разделов.

В **первом разделе Введения** обосновывается выбор темы диссертации, актуальность и новизна исследования, его теоретическая и практическая значимость, определяются цели и задачи работы, предмет и объект изучения, формулируются основные положения, выносимые на защиту.

Во **втором разделе Введения** применительно к целям и задачам работы характеризуется генезис феномена «меланхолия», эволюция представлений о меланхолии от психофизиологического до философско-эстетического понимания, выявляются предпосылки приобщения русской сентиментальной культуры и литературы к западноевропейской традиции.

В **первой** главе диссертации – **«Формирование меланхолической идеологии и поэтики в литературе русского сентиментализма»** – исследуется осмысление понятия меланхолия в литературе раннего сентиментализма и творчестве Н.М. Карамзина.

В **первом разделе** первой главы – **«Раннесентиментальный период освоения понятия «меланхолия»: ситуация утраты в «печальных» текстах А.П. Сумарокова, Г.Р. Державина, П.В. Победоносцева»** – исследуются

ся художественные интерпретации ситуации утраты, имевшей широкое распространение в сентиментальной литературе. В пределах ситуативного инварианта, когда субъект переживает какую-либо конкретную жизненную потерю, литераторами был разработан целый спектр сюжетных схем и устойчивых мотивов. В целом переживания субъекта в этой ситуации (печаль, скорбь, уныние, грусть и т.д.) далеки от состояния меланхолии, причины которой рационально неопределимы. Как показывает исследование комплекса «печальных» текстов А.П. Сумарокова, Г.Р. Державина, последствиями переживания утраты является либо личностное обособление «Я», либо его личностная саморегуляция.

Уже в 60-х годах XVIII-го века психологические модели личностного обособления и личностной саморегуляции, так же как и сама сюжетная ситуация утраты, стали вырождаться в предромантический шаблон, поскольку мотивирующая их сфера жизненной конкретики оказалась практически исчерпана. Сочинения П.В. Победоносцева обозначили окончательный кризис раннесентиментальной интерпретации мотива утраты, где доминирующим является, по сути, не меланхолический, а печальный (грустный, скорбный и т.д.) эмоциональный контекст.

В результате сложившейся на рубеже XVIII–XIX веков литературной ситуации стало неизбежно переосмысление ситуативной модели утраты в углублённо психологическом контексте, что способствовало повышению интереса к проблеме меланхолии и формированию нового типа героя – героя меланхолического.

Во *втором разделе* первой главы – *«Концепция «меланхолического» и меланхолический герой в творчестве Н.М. Карамзина: «Письма русского путешественника», элегия «Меланхолия»* – исследуется отношение Н.М. Карамзина к феномену меланхолии и эстетическое функционирование понятия в «Письмах русского путешественника» и элегии «Меланхолия».

В начале «Писем русского путешественника», заявляя о своей душевной приобщённости к меланхолии, герой Карамзина характеризует моменты меланхолии как серию «припадков», являющихся тягостными, но в некоторых случаях «пленительными» отклонениями от рациональной доминанты мировосприятия, а эмоционально-меланхолический контекст эстетического преломления фактов реальности декларирует как болезненное исключение, тем не менее, открывающее новые перспективы восприятия.

В дальнейшем в «Письмах...» слово «меланхолия» и производные от него употребляются 25 раз, однако, в большинстве случаев их употребление непосредственно не связано с характеристикой душевного состояния авторского образа. Своё отношение к меланхолии автор выражает косвенным образом, характеризуя людей и жизненные реалии. Более того, в тех случаях, когда путешественник размышляет о причинах меланхолии, он нередко противоречит изначально заданному тезису о «припадках» меланхолии как о драгоценных памятниках «прошедших лет жизни».

Иронично характеризуя меланхолию как душевную патологию, неизбежно приводящую человека либо в «дом сумасшедших», либо к самоубийству, путешественник рационально определяет её причины реалиями вполне доступными для человеческого сознания, что делает приступы меланхолии вполне объяснимыми и способствует процессу личностной саморегуляции.

Именно рационалистическая доминанта сознания чувствительного героя исключает для него возможность полного приобщения к меланхолии и делает её периоды в большей степени тягостными, нежели приятными. Авторская мысль об источниках меланхолии практически не развивается в направлении идеального истолкования её причин, и как следствие понятие «меланхолия» обобщает здесь целый ряд депрессивных

душевных состояний, эстетические последствия которых с точки зрения автора аналогичны.

В элегии «Меланхолия» (1800–1802 гг.⁶) Карамзин максимально обобщает лирическую ситуацию утраты, стремясь при этом уловить оттенки душевных состояний скорби, печали и меланхолии. Но и в данном случае авторская позиция может быть охарактеризована как позиция чувствительно-созерцательного отстранения, поскольку сознание лирического героя находится вне духовных сфер меланхолии, которые воспринимаются им не столько лично, сколько извне, как объект лирических размышлений.

Карамзин, сделав предметом внимания русской поэзии лирическую ситуацию идеальной утраты, стал первооткрывателем собственно меланхолического типа мироотношения, при этом отстранённо, и несколько аксиоматически, представив меланхолию как позитивную, субъективно гармонизирующую сферу духовного бытия, сопричастную природе, влекущую человека в область личностного обособления и являющуюся проводником в идеальное Прошедшее («Веселие твоё – задумавшись молчать // И на прошедшее взор нежный обращать»).

Во *второй* главе диссертации – *«Поэтика «меланхолического» в творчестве В.А. Жуковского»* – исследуется проблема формирования эстетического типа меланхолического героя и меланхолическая натурфилософия в ранней прозе В.А. Жуковского, художественная реализация эстетического типа меланхолического героя в лирике В.А. Жуковского, концепция меланхолии в статье В.А. Жуковского «О меланхолии в жизни и в поэзии».

Первый раздел второй главы – *«Проблема формирования и генезис эстетического типа меланхолического героя в ранней прозе В.А. Жуковского (1797–1800)»* – посвящён проблеме этико-философского и эстети-

⁶ Впервые опубликовано: «Вестник Европы», 1802, № 1. С. 53. Отрывок – в письме к Дмитриеву от 3 декабря 1800 г. Вольный перевод из поэмы Делиля «Воображение» («L'Imagination»).

ческого самоопределения В.А. Жуковского и исследованию роли масонской идеологии в процессе формирования меланхолического героя в ранней прозе В.А. Жуковского.

Субъективно-гармоническое представление поэта о мире кристаллизовалось в условиях постоянного стремления к нравственному идеалу при не менее постоянном и глубоком ощущении несовершенства жизни и человека и было бы недостижимо без духовной работы, направленной на формирование особого рода мистически-возвышенной «религии души» и постижение тайн меланхолии.

В целом ранние творения Жуковского могут интерпретированы как единый комплекс текстов антропологического содержания с религиозно-философской и нравственно-философской доминантой. Его генерализующей идеей является идея нравственного совершенствования и самосовершенствования человека, которую в то время настойчиво проводили представители московского масонства. В идеологии русского масонства оказалось много созвучного чувствительно-меланхолическому характеру внутренней жизни В.А. Жуковского (концепция человечности, чувствительности; внимание к противоречиям внешнего и внутреннего бытия человека; цели нравственного совершенствования и отказа от ложных ценностей профанного мира; культ кротости, добродетели; идея единого Бога; культ природы; идея величия Бога в природе и т.д.).

В русле масонской антропологии человек предстаёт у Жуковского в центре вечного движения материальных и духовных стихий – жизни и смерти, света и тьмы, духа и материи, временного и вечного как средоточение всех этих миров и начал и, как следствие, в «средней точке» системы контрастных мотивов и образов его произведений: в «Мыслях при гробнице» и «Мыслях на кладбище» – между жизнью и смертью; в «Мире и войне» – между войной и миром; в «Жизни и источнике» и «Истинном герое» – между нравственно противоположными жизненными устремлениями и представле-

ниями о счастье. Кроме того, родственная масонской философия прочитывается в прозе Жуковского при разрешении проблем примирения человека со смертью («любви к смерти») и обретения гармонии с миром. Однако в процессе художественного освоения сферы антологической проблематики Жуковский встал на путь углублённого психологизма, что привело к переосмыслению душевных последствий приобщения к меланхолии и переживания меланхолического состояния. В «Мыслях при гробнице» герой, созерцающий кладбищенский пейзаж и поражённый мыслью о всемогущей смерти, благодаря душевному приобщению к меланхолии от состояния близкого к отчаянью приходит к пониманию смерти как блага, которое даёт «Отец любви» человеку, ибо только через неё пролегает путь в царство блаженства и истины. В «Мыслях на кладбище», развивая тему смерти, Жуковский уже не ставит перед меланхолическим героем проблему преодоления ужаса смерти. По воле автора герой, объятый «благоговейным ужасом» перед тайной смерти, поёт гимн её величию и величию бессмертия, грядущего за её порогом.

В итоге нравственная категория добродетели, возведённая в жизненный принцип «друга человечества», и меланхолия как особый тип переживания жизни и преодоления её противоречий становятся лейтмотивами произведений Жуковского.

Второй раздел второй главы – ***«Меланхолическая натурфилософия прозы В.А. Жуковского (1797–1800 гг.)»***.

Практически во всех произведениях В.А. Жуковского периода учёбы в Московском университетском благородном пансионе (1797–1800 гг.) эталоном и проводником прекрасного выступает природа⁷. Именно через эстетическое переживание природы автор прокладывает для своего героя путь к состоянию меланхолии, стремясь и героя и чи-

⁷ См.: Садовников, А.Г. Пространство мира и горизонты души в прозе В.А. Жуковского. // Гуманизм и духовность в образовании: Научные труды Второй научно-практической конференции «Гуманизм и духовность в образовании». Н. Новгород: Межвузовская типография, 2001. С. 186–189.

тателя привести к осознанию сверхценностной сущности бытия, которая, по убеждению Жуковского, воплощается в идее высшей добродетели.

В процессе своих поэтических и натурфилософских изысканий Жуковский избирает иной путь, нежели Карамзин. Если Карамзин рационально декларирует меланхолию как средство «психологической самозащиты личности» и лишь затем приоткрывает завесу личностной замкнутости навстречу природе, то Жуковский представляет восприятие природы исходным моментом на пути духовного приобщения к меланхолии.

Проблема отношения человека и мира осмысливается Жуковским прежде всего как проблема отношения человека и природы. В «Мыслях при гробнице» (1797), «Жизни и источнике» (1798), «Мыслях на кладбище» (1800) герой Жуковского приходит к гармонии и примирению не только с жизнью, но и с самим собой посредством особого рода «переживания» жизни, доминантой которого поэт называет чувство «сладкого уныния», меланхолии. Залог этой гармонии видится поэту не столько в сфере субъективного, сколько в самом окружающем мире, природе, осенённой светом божественного творения «Отца любви»; природе, которая есть «блаженная страна», «обитель мира» и «царство истины».

Следствием художественной реализации меланхолической натурфилософии стало создание новых принципов организации пейзажных картин и субъектно-объектных отношений.

Во-первых, в отличие от Карамзина, для которого свойственна глобализация пространства посредством его децентрализации, Жуковский конкретизирует пространственные ориентиры, организуя предметный мир «вокруг героя», делая его детали физически доступными для ощущений субъекта.

Во-вторых, организуя отношения субъекта и воспринимаемого им окружающего мира, поэт использует две основные модели: про-

странственно-статическую (когда человек воспринимает мир, находясь в фиксированной «точке исхода») и пространственно-динамическую (предполагающую движение человека в пространстве), чем обуславливается характер лирической медитации.

Причём в обоих случаях меланхолический герой Жуковского приходит к целостно-гармоническому восприятию природы и мира, о чём свидетельствует актуализация образов сферы, покрова, шатра, свода, крова, шара, которые подчёркивают стремление героя к осознанию единой узловой связи бытия.

Третий раздел второй главы диссертации – *«Художественная реализация эстетического типа меланхолического героя в лирике В.А. Жуковского»* – посвящена исследованию художественной реализации эстетического типа меланхолического героя в поэтическом творчестве В.А. Жуковского.

Меланхолия в контексте других эстетических переживаний определяет как сознание поэта, так и весь строй чувств его лирического героя.

Элегии Жуковского преисполнены чувством «красоты» и «прекрасного», поскольку именно в их «воспроизведении» он видел одну из главных задач искусства. Достижению этой творческой задачи, по мнению поэта, должен способствовать «вкус». В понимании данной категории Жуковский следовал эстетическому учению И. Канта, изложенному в «Аналитике эстетической способности суждения», поэтому допустимо уточнить, что, по мнению Жуковского, постижению прекрасного способствует «чистое суждение вкуса».

Меланхолия не отождествляется Жуковским с красотой (прекрасным, трагическим, возвышенным и т.д.) и представляется как особого рода эстетическое переживание, мотивированное нравственно-философской позицией лирического героя.

Одной из основных отличительных черт душевного облика меланхолического героя Жуковского, который сформировался ещё в ранней прозе поэта, является способность центростремительной сублимации контрастных эмоциональных состояний, в результате чего и рождается субъективно гармонизирующее душу состояние меланхолического покоя. Данный тип героя духовно близок автору и наделён всей совокупностью душевных качеств, с авторской точки зрения воплощающих концепцию истинности человеческого бытия. К числу таковых Жуковский относит доброту, кротость сердца, чувствительность души, приобщённость к меланхолии, сострадание к несчастным, духовную близость к естественным природным ценностям.

Анализ лирических текстов Жуковского показывает, что меланхолия в контексте других эстетических переживаний определяет как сознание поэта, так и весь строй чувств его лирического героя.

Свои поэтические размышления меланхолический герой Жуковского развивает уже будучи приобщён к «душевым пространствам» меланхолии. Поскольку все стадии рефлексии по поводу несовершенства мира и бренности всего сущего уже пройдены, в его сознании доминирует чувство, которое заслуживает именоваться чувством «меланхолического оптимизма». Преодолев скорбь и обретя нравственный «оплот против ужасов смерти», лирический герой Жуковского направляет мысль в русло меланхолической медитации о жизни и человеке в аспекте его нравственного совершенствования. Этим определяется и мотивный, и образный состав ранней лирики Жуковского и её нравственно-этический декларатизм (См.: «Майское утро» (1797), нравоучительные оды 1798 года, «Мир» (1800), «К Тибуллу на прошедший век» (1800), «Герой» (1800), «Элегия» (1801), «Человек» (1801) и др.).

В более позднем творчестве тип меланхолического героя персонализировался в образе «страдающего певца», который был потенциально родственен лирической антропологии психологического романтизма Жуковского. Анализ текстов показывает, что тенденции сближения ли-

рического героя с образом меланхолического юноши-певца, наметившиеся в «Сельском кладбище», более определённо реализовались в элегиях «Вечер» (1806) и «Певец» (1811). Если в «Сельском кладбище» лирическое повествование о жизни и смерти героя-певца во многом автономно и самоценно, то в «Вечере» и «Певце», размышляя о судьбе певца, лирический герой представляет себя в его образе, что способствует его субъективизации и усилению автобиографизма и меланхолического автотопсихологизма.

В лирическом творчестве Жуковского меланхолическая эмоциональная доминанта, усиленная нарастанием уровня психологической конкретики, привела к лирическому сопряжению пластики и динамики картин природы и душевного движения лирического героя, что в свою очередь повлекло за собой изменения в характере лирической медитации и трансформацию системы ценностных представлений поэта о мире. Прежде всего, это нашло воплощение в элегии «Славянка»⁸, которая знаменует новый этап формирования лирической философии Жуковского. В «Славянке» просматривается генетическая связь образов Гения поэзии, вдохновения и «чистой красоты», к которому Жуковский неоднократно обращался в творчестве 1818–1824 годов, и Гения меланхолии, дух и облик которого воплотился в самых ранних прозаических опытах поэта («Жизнь и источник» (1798), «Мысли на кладбище» (1800), «О путешествии в Малороссию» (1803) и др.).

В творчестве Жуковского 1818–1824 годов («Жизнь» (1819), «Цвет завета» (1819), «К мимо пролетевшему знакомому гению» (1819), «Невыразимое» (1819), «Лалла Рук» (1821), «Явление поэзии в виде Лалла Рук» (1821), «Я музу юную, бывало» (1823), «Таинственный посетитель» (1824) и др.) образ Гения, не теряя связи со своими меланхолическими первоисточниками, утрачивает и внешнюю (портретную) и про-

⁸ Показательно, что элегия «Славянка» открывает сборник стихотворений В.А. Жуковского 1815–1817 гг.

странственную определённую, приобретает ещё большую смысловую ёмкость и сложноассоциативность, а сама тема Гения сближается с принципиально важной для Жуковского темой Невыразимого.

В содержательной многоаспектности образа Гения Жуковским поэтически воплощена кантианская идея «свободной красоты» (*pulchritudo vaga*), которая не предполагает «чем должен быть предмет», означает «самостоятельно существующую красоту» и является воплощением идеала, как «представления о сущности, адекватной какой-либо идее»⁹.

В творчестве 1831–1852 гг. В.А. Жуковский проявлял гораздо меньшую активность в сфере лирического творчества, последовательно и целенаправленно тяготел «... к стихотворному эпосу, что определяет его преимущественное внимание к лироэпосу и большим эпическим формам»¹⁰. Однако, несмотря на нивелирование меланхолической проблематики в сфере лирического творчества, задача осмысления феномена меланхолии не утратила для Жуковского актуальности.

В середине 40-х годов XIX века Жуковский подытожил свои религиозно-философские и эстетические представления о меланхолии в статье «О меланхолии в жизни и в поэзии».

Четвёртый раздел второй главы диссертации ***«Концепция меланхолии в статье В.А. Жуковского «О меланхолии в жизни и в поэзии».***

Длительный процесс эстетического освоения и философского осмысления проблем меланхолии привёл поэта к необходимости глобализации вопроса о значимости меланхолии в истории человечества в религиозно-философском контексте, генерализующем авторские размыш-

⁹ Кант, И. Аналитика эстетической способности суждения // Кант, И. Соч.: В 6 т. М.: Мысль, 1966. Т. 5. С. 231–232.

¹⁰ Янушкевич, А.С. Примечания к текстам стихотворений В.А. Жуковского // Жуковский В.А. Полн. собр. соч.: В 20 т. М.: Языки русской культуры, 1999. Т. I. С. 432.

ления о феномене меланхолии в статье «О меланхолии в жизни и в поэзии».

В статье поэт обобщает свои представления не только о меланхолии, но и о духовных и эстетических последствиях меланхолизации поэтического сознания на разных этапах человеческой истории, которая, с точки зрения Жуковского, складывается из двух эпох – дохристианской и христианской. Эта исходная культурно-историческая концепция закономерно предопределяет религиозно-философский контекст, генерализующий авторские размышления о феномене меланхолии.

С точки зрения Жуковского, в дохристианской концепции мира скорбь была «неотъемлемым свойством» души, бессмертной по своей природе и божественной по своему происхождению, но падшей и носящей в себе «подавляющее душу чувство сего падения». Она либо подавляла человеческую душу, приводя личность к обособлению в границах «чёрной меланхолии», либо стимулировала душевную работу, направленную на преодоление скорби, итогом которой неизбежно становилось возвращение к сиюминутным ценностям.

С приходом христианства «тёмная врождённая» скорбь («печаль относительно внешнего»), которую Жуковский и называет меланхолией, не переменяя природы своей, обращается в высокую деятельность, благородствующую душу, способную исцелить «недуг падения» и приводящую её к гармонии с миром.

Исследование текстов Жуковского позволяет заключить, что общее направление духовной эволюции субъекта определяется движением от меланхолии «древней» к меланхолии «христианской». Исходный момент этого движения предполагает отсутствие в душе «христианского элемента», что приводит к утрате душевного покоя, к происходящему от невозвратной утраты мрачно-меланхолическому ощущению прелести и бренности земной жизни, к мысли о всесии судьбы и смерти и т.д.

Выход из этого состояния автору неизменно видится через открытие и приобщение к вере (будь то масонская религия, предполагающая почитание «великого архитектора вселенной», романтический универсум или христианская вера), которая преображает и просветляет тёмное меланхолическое чувство, в результате чего личность обретает способность гармонизации отношений с миром.

В *Заключении* подводятся итоги исследования.

Раннесентиментальный период освоения понятия «меланхолия», заслуживающий именоваться «предмеланхолическим», был ознаменован повышенным интересом к художественной интерпретации культивирующей чувствительности ситуации утраты. В «печальных текстах» А.П. Сумарокова, Г.Р. Державина, П. В. Победоносцева в пределах ситуации реальной утраты герои переживают чувства, далёкие от состояния меланхолии, причины которой, на наш взгляд, имеют идеальный характер.

Изучение комплекса «печальных» текстов позволяет заключить, что художественные опыты писателей последней трети XVIII-го века позволили Н.М. Карамзину приблизиться к освоению проблемы меланхолии в русле идеализации и психологизации мотивов утраты. Как показывает исследование «Писем русского путешественника», публицистики и лирики Карамзина, границ рациональной чувствительности, побуждающей автора более рассуждать о меланхолии, нежели переживать меланхолическое состояние души, ему преодолеть не удалось.

Заслуга преодоления инерции традиций сентиментального рационализма принадлежит В.А. Жуковскому, который открыл русскому читателю меланхолию не только как особого рода душевное состояние, но и как «средство переживания жизни» и познакомил современников с героем меланхолического типа. Об этом свидетельствует проведённое в работе исследование ранней прозы (1797–1800) и лирики поэта. В ранней прозе Жуковского герой проходит путь приобщения к тайнам меланхолического, что способствует гармонизации его отношений с

миром. В лирике Жуковского (1797–1830) меланхолия окончательно утверждается как доминирующая форма нравственно-эстетического восприятия действительности.

В 1846 г. Жуковский подытожил свои представления о меланхолии в статье «О меланхолии в жизни и в поэзии». Исследование позволяет установить, что сформулированная здесь религиозно-философская «теория меланхолии», предполагающая эволюцию феномена меланхолии от языческой ипостаси к христианской, по сути восходит к религиозно-философской концепции меланхолии ранней, «пансионской» прозы Жуковского.

В итоге, проведённое исследование позволяет заключить, что актуальные на протяжении всего творческого пути Жуковского искания в области осмысления понятия меланхолии и эстетико-философские и поэтические открытия, им сделанные, оказали существенное влияние на творческое развитие целого поколения поэтов 20–30-х годов XIX-го века.

В *Приложении* к диссертации – *«Развитие понятия меланхолии в психологии (естественнонаучный аспект)»* – вынесены не вошедшие в основной текст работы, но имеющие интерес для изучения эволюции представлений о меланхолии суждения виднейших мыслителей о данном феномене.

Основные положения диссертации отражены в **публикациях** автора:

**Статьи в рецензируемых изданиях,
входящих в перечень ВАК**

1. Садовников, А.Г. Ситуация утраты в «печальных текстах» А.П. Сумарокова и Г.Р. Державина. /А.Г. Садовников // «Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки»: Научный журнал

№ 4 – Чебоксары: Изд-во Чувашского ун-та, 2007. С. 271–275 (0,5 п.л.)

2. **Садовников, А.Г. Художественная реализация эстетического типа меланхолического героя в лирике В.А. Жуковского 1797–1800 гг. /А.Г. Садовников // «Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского» № 4 – Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2008. С. 236–242 (0,6 п.л.)**

Статьи тезисы в научных изданиях

3. Садовников, А.Г. «Улыбка певца» (к проблеме ранней пушкинской элегии) / А.Г. Садовников // Вторая международная конференция «Русская культура и мир»: Тезисы докладов участников международной конференции, – Н. Новгород: Изд-во НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 1994. С. 20–22 (0,1 п.л.)
4. Садовников, А.Г. В.А. Жуковский и Каспар-Давид Фридрих /А.Г. Садовников // Третья международная конференция «Русская культура и мир»: Тезисы докладов участников международной конференции. – Н. Новгород: Изд-во НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 1995. С. 134–137 (0,2 п.л.)
5. Садовников, А.Г. В.А. Жуковский и философия Шлейермахера / А.Г. Садовников // Международная конференция «Язык. Культура. Деятельность: Восток – Запад»: Тезисы докладов участников международной конференции. – Набережные Челны: Изд-во НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 1996. С. 39–41 (0,2 п.л.)
6. Садовников, А.Г. К проблеме общения в русской литературе / А.Г. Садовников // Научная конференция «Нормы христианства и проблемы человеческого общения»: Тезисы докладов участников конференции. – Н. Новгород: Изд-во НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 1997. С. 21–23 (0,2 п.л.)
7. Садовников, А.Г. В.А. Жуковский и философия немецкого романтизма / А.Г. Садовников // Международная конференция «Российско-гер-

- манские культурные связи в прошлом и настоящем»: Научные труды. – Н. Новгород: Изд-во НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 1999. С. 39–41 (0,2 п.л.)
8. Садовников, А.Г. Пространство мира и горизонты души в прозе В.А. Жуковского / А.Г. Садовников // Вторая Международная научно-практическая конференция 2001 года «Гуманизм и духовность в образовании»: Научные труды Второй Международной научно-практической конференции «Гуманизм и духовность в образовании». – Н. Новгород: Изд-во НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2001. С. 187–189 (0,2 п.л.)
 9. Садовников, А.Г. Принципы изображения природы в прозе В.А. Жуковского 1797–1808 годов / А.Г. Садовников // Грехнёвские чтения: Сборник научных трудов. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2001. С. 57–60 (0,3 п.л.)
 10. Садовников, А.Г. Аспекты философской антропологии масонства и проза В.А. Жуковского 1797–1803 годов (о любви к смерти). / А.Г. Садовников // Аспирант: Сборник научных трудов аспирантов Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. – Н. Новгород: Изд-во НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2005. С. 70–75 (0,3 п.л.)
 11. Садовников, А.Г. Поэтическая трансформация концепта меланхолии в элегии Карамзина «Меланхолия» / А.Г. Садовников // Всероссийская научная конференция «Концепция нелинейного развития в истории общества и культуры. Вклад Н.А. Добролюбова в эту проблему»: Сборник материалов научной конференции. – Н. Новгород: Изд-во НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2006. С. 293–297 (0,4 п.л.)
 12. Садовников, А.Г. Античная и христианская меланхолия в письме В.А. Жуковского «О меланхолии в жизни и в поэзии» / А.Г. Садовников // Всероссийская научная конференция «Проблема утраты и возрождения традиционной и классической культуры на фоне развития

- цивилизации. Вклад Н.А. Добролюбова и современников в видение этой темы»: Сборник материалов. – Н. Новгород: Изд-во НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2007. С. 92–96 (0,3 п.л.)
13. Садовников, А.Г. Поэтика пейзажа в прозе В.А. Жуковского 1797–1800 годов / А.Г. Садовников // Тверской государственный университет. Международная научная конференция «Русская литература и журналистика: Актуальные проблемы жанра и стиля»: Сборник научных трудов / Под ред. Бойникова. – Тверь: Изд-во Тверского гос. ун-та, 2007. С. 57–61 (0,4 п.л.)
 14. Садовников, А.Г. Ипостаси образа «бедного певца» в творчестве В.А. Жуковского и А.С. Пушкина / А.Г. Садовников // Грехнёвские чтения: Сборник научных трудов. Выпуск 4 – Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2007. С. 24–28 (0,4 п.л.)
 15. Садовников, А.Г. Н.М. Карамзин «Письма русского путешественника»: концепция меланхолии и меланхолический герой / А.Г. Садовников // Международная конференция «Русская словесность в контексте мировой культуры»: Сборник научных трудов. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2007. С. 400–403 (0,4 п.л.)
 16. Садовников, А.Г. К проблеме эволюции образа "Гения" в творчестве В.А. Жуковского / А.Г. Садовников // Грехнёвские чтения VII: Сборник научных трудов. – Нижний Новгород, ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2008. С. 163–168 (0,4 п.л.)
 17. Садовников, А.Г. Проблема переживания утраты в «печальных текстах» А.П. Сумарокова, Г.Р. Державина, П. В. Победоносцева / А.Г. Садовников // Всероссийская научная конференция «Традиции и инновации в отечественной и мировой истории и культуре»: Сборник научных трудов. – Нижний Новгород, НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2008. (0,5 п.л.)

Общий объём публикаций по теме диссертации 4,3 печ.л.

Лицензия

Подписано к печати Формат 60x84/16

Печ. л. 1.1. Тираж 100 экз.
